
ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА

LEGAL EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION IN FOREIGN AND NATIONAL LEGAL SYSTEMS

УДК 343

DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(4).812-824

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В КИТАЕ

С.Г. Лузянин^{1, 2, 3}, П.В. Трощинский¹, Я.А. Суходолов⁴

¹ Институт Дальнего Востока Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

² Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

⁴ Министерство международного сотрудничества и внешнеэкономических связей Забайкальского края,
г. Чита, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
20 июня 2016 г.

Дата принятия в печать
15 ноября 2016 г.

Дата онлайн-размещения
29 декабря 2016 г.

Ключевые слова

Китай; правовое регулирование;
борьба с преступностью;
коррупция; терроризм; шпионаж;
государственная измена; уголовная
ответственность; смертная казнь;
правовая система

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов правового регулирования борьбы с преступностью в современном китайском государстве. Анализу подвергаются действующие нормативные правовые акты в сфере противодействия коррупции, терроризму, государственной измене и шпионажу. Дается краткая историческая ретроспектива главных направлений борьбы с преступностью после образования в 1949 г. КНР. В основу проведенного исследования положены методология сравнительного правоведения, системный подход, формально-юридический, исторический и статистический методы для решения поставленных в статье задач.

После начала проведения «политики реформ и открытости» китайское общество столкнулось с резким ростом преступности, особенно в экономической сфере. Законодатель не успевал принимать необходимые акты правотворчества в уголовно-правовой сфере. Для восполнения пробелов появлялись локальные документы, которые были направлены на ужесточение мер уголовной ответственности за новые виды преступлений. После внесения в УК КНР существенных изменений правовая регламентация борьбы с преступностью приобрела более комплексный характер. С течением времени принимаются различные нормативные правовые акты, положения которых затрагивают вопросы борьбы с преступностью.

По итогам проведенного исследования делается вывод о том, что руководство КНР придерживается жесткой уголовной политики в сфере борьбы с преступностью. Такой подход оправдан и дает положительные результаты. Правовая регламентация борьбы с преступностью в Китае отличается спецификой и представляет не только научный, но и практический интерес для отечественной науки.

SPECIFIC FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CRIME COUNTERACTION IN CHINA

Sergey G. Luzyanin^{1, 2, 3}, Pavel V. Troshchinskiy¹, Yakov A. Sukhodolov⁴

¹ Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation

² Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, the Russian Federation

³ National Research University – Higher School of Economics, Moscow, the Russian Federation

⁴ Ministry of International Cooperation and Foreign Trade of Zabaikalsky Krai, Chita, the Russian Federation

Article info

Received
2016 June 20

Abstract. The paper researches the issues of legal regulation of crime counteraction in contemporary China. The authors analyze effective normative legal acts in the spheres of counteracting corruption, terrorism, high treason and espionage. They offer a brief historic overview of key trends in crime counteraction since 1949, when the People's Republic of China was founded. The methodology is aimed at solving the

Accepted
2016 November 15

Available online
2016 December 29

Keywords

China; legal regulation; fight against crime; corruption; terrorism; espionage; high treason; criminal liability; death penalty; legal system

tasks of the study and includes comparative jurisprudence, systemic approach, formal legal, historical and statistical methods.

After the introduction of the policy of «reform and opening-up», the Chinese society faced a sharp growth of crime, especially in the sphere of economy. The lawmakers did not have time to adopt the needed legal acts in the sphere of criminal law. The gaps were bridged by local documents aimed at toughening criminal liability measures for new types of crimes. After some significant changes were introduced in the Criminal Code of People's Republic of China, crime counteraction acquired a more comprehensive character. Over time various normative legal acts, whose clauses refer to crime counteraction, have been adopted.

The research results allow the authors to conclude that the government of the People's Republic of China follows a tough criminal policy in the sphere of crime counteraction. Such an approach is justified and brings positive results. The legal regulation of crime counteraction in China has its specifics and is of practical interest for Russian science.

В современном Китае борьба с преступностью является одним из приоритетных направлений внутренней политики государства, от успешности которой зависит будущее страны, ее стабильное социально-экономическое развитие. Лидеры правящей Коммунистической партии Китая в своих официальных заявлениях акцентируют внимание на необходимости усиления работы по предупреждению преступности, законодатель, в свою очередь, ужесточает ответственность за коррупционные преступления, террористическую деятельность, шпионаж и измену родине.

Китайское государство в последние годы столкнулось с новыми видами вызовов и угроз, серьезно подрывающими основы его жизнедеятельности. Наряду с ухудшением экологической обстановки, нехваткой энергетических ресурсов, проблемами в демографической сфере, имущественным расслоением отмечается активизация деятельности террористических организаций, иностранных спецслужб, продолжает углубляться ситуация с обеспечением безопасности продуктов питания и лекарственных средств, коррупционная проблематика по-прежнему остается одной из главных в повестке работы китайского правоохранителя. Все вышесказанное заставляет правотворца принимать необходимые для обеспечения безопасности государства нормативные правовые акты, содержание которых отличается спецификой и представляет значительный интерес для российской юридической науки.

Несмотря на общий рост преступности, в истории КНР существовали периоды, когда ее уровень был чрезвычайно низок. Так, во время правления Мао Цзэдуна Китаю были практически неизвестны коррупционные преступления, организованная преступность, незаконный

оборот наркотических (психотропных) веществ, большинство современных составов преступлений (легализация доходов, полученных преступным путем, терроризм, управление транспортным средством в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения и др.). Тяжких преступлений против личности также было немного. В основном правоохранительная система боролась с инакомыслием, «контрреволюционной деятельностью», «правыми элементами», «ревизионистами», «левацкими группировками» и т.п. [1]. В период с 1953 по 1978 г. количество уголовных дел по организованной преступности постоянно снижалось и достигло минимального за всё существование Китая уровня.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и начала широкомасштабных экономических преобразований китайское общество вступило в период «политики реформ и открытости» (改革开放政策). По мере успешного экономического развития, открытости государства начался стремительный рост и числа преступлений. Страна столкнулась с новыми видами преступных деяний, которые стали распространяться по всему Китаю. Так, повсеместно возникали преступные группы и сообщества, целью которых стала борьба за контроль над теневым бизнесом. Seriously повысился уровень коррупции в среде китайских чиновников, банковская система превратилась в инструмент совершения преступлений в экономической сфере, появились проблемы ухода от налогов в крупных объемах, увода капитала и многие другие.

С начала проведения «политики реформ и открытости» бурными темпами стала расти преступность в экономической сфере. Особый удар по имиджу правящей партии и государственного аппарата в глазах обычных граждан был нанесен коррупционными скандалами.

Все это поставило китайского законодателя перед необходимостью осуществить экстренные меры по разработке и введению в действие соответствующих правовых документов. В спешном порядке были приняты некоторые характерные акты нормотворчества, среди которых наиболее значимы постановление Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) «Об усилении наказаний в отношении лиц, совершивших серьезные хозяйственные преступления» (от 8 марта 1982 г.), дополнительные положения ПК ВСНП «О наказании за преступления в сфере контрабанды» (от 21 января 1988 г.) и «О наказании за коррупцию и взяточничество» (от 21 января 1988 г.) и др.

Однако законодатель не успевал вовремя реагировать на новые преступные явления в обществе. Принятие важных актов правотворчества в уголовно-правовой сфере нередко осуществлялось со значительной задержкой и опозданием. Так, первые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы КНР были приняты только в 1979 г. Их появление в правовой системе страны спустя лишь 30 лет после образования КНР признано одним из «величайших дел»¹. К сожалению, принятые законы оказались далеки от совершенства. Прописанные в них нормы были чрезвычайно неконкретизированными, в кодексах отсутствовало закрепление фундаментальных институтов уголовного и уголовно-процессуального права [2, с. 331–366, 377–414].

По мере стремительного роста числа преступлений, совершаемых в стране, китайские правоохранительные органы приступили к более активной борьбе с преступностью, профилактике преступлений, законодатель — к усилению мер юридической ответственности за совершение противоправных деяний. Как свидетельствуют китайские криминологи, пик роста преступности после начала реформ пришелся на 80-е гг. прошлого века. «Этот пик количества совершаемых преступлений был достигнут в ситуации дальнейшего расширения и углубления реформ и открытости, ускоренного развития товарной экономики, когда сложные и запутанные социальные противоречия проявились со всей очевидностью» [3, с. 123].

В сфере борьбы с преступностью китайскому государству присущи следующие основные особенности:

¹ Жэньминь жибао. 2009. 4 окт. (на кит. яз.).

1. *Жесткая реакция на любые нарушения уголовного закона.* В Китае широко применяются высшая мера наказания, пожизненное лишение свободы, конфискация имущества, лишение политических прав. Суровая карательная политика по отношению к преступникам базируется на древней китайской стратемие «бить по траве, чтобы вспугнуть змею» (打草惊蛇), согласно которой наказание, пусть и жестокое, одного лица выступает в качестве «битья по траве», в результате которого многочисленные преступные элементы — «вспугнутые змеи» — в испуге отвращаются от преступления [4, с. 190]. О подходе китайского законодателя к наказанию как к способу устрашения потенциальных преступников и отвращения их от совершения преступлений писал один из основателей российского китаеведения отец Иакинф (Н.Я. Бичурин, 1777–1853). По его словам, для Китая было характерным, что «...наказание малою планкою производится для стыда, ибо маловажные преступления стыдом должны быть наказываемы. Наказание большою планкою производится для обуздания, ибо страхом сего наказания удерживаются от преступлений» [5, с. 136].

Справедливости ради отметим, что начиная с 2011 г. власти КНР проводят политику «меньше убивать, осторожно убивать» (少杀, 慎杀) [6, с. 5–22]. Так, принятые 25 февраля 2011 г. поправки в действующий УК КНР отменили высшую меру наказания по 13 составам экономических преступлений (преступления ненасильственного характера). Таким образом, общее количество составов преступлений, по которым лицо может быть приговорено к смертной казни, снизилось с 68 до 55 (на 19,1 %). Смертная казнь за такие ненасильственные преступления, как коррупция, перевозка / хранение / сбыт наркотических (психотропных) веществ, китайским государством продолжает применяться.

В августе 2015 г. китайский законодатель отменил смертную казнь по еще девяти составам преступлений (контрабанда ядерных материалов, контрабанда оружия и боеприпасов, контрабанда поддельной валюты, подделка валюты, получение денежных средств путем мошенничества, организация проституции, насильственное вовлечение в занятие проституцией, воспрепятствование исполнению должностных обязанностей в военной сфере, распространение слухов в военное время), снизив их количество до 46.

Отметим, что во многих случаях Верховный народный суд КНР выносит приговоры к смертной казни с отсрочкой исполнения на два года; затем, если осужденным не совершаются новые преступления, наказание смягчается до пожизненного лишения свободы, далее — на срок до 25 и 20 лет (осужденному лицу предоставляется возможность своим деятельным раскаянием добиться смягчения приговора до пожизненного лишения свободы и далее). Смертная казнь не применяется к лицам старше 75 лет (кроме совершивших убийство с особой жестокостью), несовершеннолетним (до 18 лет) и беременным.

2. *Расплывчатость, неточность, неконкретизированность используемых в действующем законодательстве формулировок*, что серьезно влияет на единообразное, правильное, точное толкование и применение содержащихся в нем положений, ограничивает возможность на эффективную законную защиту интересов подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) по делу. Приведенная особенность вовсе не связана с тем, что для отечественных исследователей права КНР китайское иероглифическое письмо представляет значительные трудности при переводе используемых правотворцем терминов на русский язык. Дело в том, что для *правоприменителя создаются комфортные условия по применению нечетких формулировок при решении задач государственно-политического характера, а также по трактовке правовой нормы в свою пользу*. Расплывчатость формулировок китайского закона — одна из главных причин роста коррупции в правоохранительной системе Китая, в государственно-административном аппарате в целом.

Многие закрепленные в актах правотворчества современного Китая положения могут трактоваться различно. В них изобилуют термины «*может*» (可以), «*вправе*» (有权), «*и другие*» (等等), «*своевременно*» (及时), «*правдиво*» (如实).

Так, в ч. 1 ст. 23 Закона КНР о борьбе с отмыванием денег (вступил в силу в 2007 г.) закреплено: «Административный орган Государственного совета, ведущий борьбу с отмыванием денег, или его провинциальные подчиненные органы первой ступени, в случае обнаружения деятельности по заключению сомнительных сделок, *при наличии необходимости в проведении проверок, могут* проводить проверки в отношении финансовых органов» (здесь и далее курсив наш. — Авт.). В рассматриваемой право-

вой норме и в тексте самого закона отсутствуют основания, указывающие на «*наличие необходимости в проведении проверок*» со стороны соответствующих административных органов Государственного совета. Это свидетельствует о том, что необходимость в проведении проверки устанавливается по субъективному усмотрению уполномоченного на то органа (широта дискреционных полномочий, обусловленная отсутствием оснований принятия решения о проведении проверок в отношении заключенных сомнительных сделок, осуществленных частными лицами или организациями). Кроме того, определение компетенции по формуле «*вправе*» («*могут проводить проверки*») также говорит о возможном использовании китайским правоприменителем нормы по собственному усмотрению.

Характерно, что в той же части 1 ст. 23 законодатель устанавливает, что в обязанности финансовых органов при проведении в отношении них проверок в целях противодействия отмыванию денег вменяется «*координировать проверки, правдиво предоставлять необходимые документы и материалы*». В данном случае налицо юридико-лингвистическая неопределенность, т.е. использование неясных, неустоявшихся формулировок, терминов и понятий, что влечет установление неопределенных требований к организациям, осуществляющим предоставление соответствующих документов для проверяющих органов. В соответствии с ч. 2 ст. 20 «финансовые органы, при осуществлении одноразовых сделок или многократных сделок в установленный период, если их сумма превышает установленную, или при обнаружении сомнительных сделок, *должны своевременно* ставить в известность об этом информационный центр по борьбе с отмыванием денег». В китайском законодательстве не содержится толкования термина «*своевременно*», что может привести к негативным последствиям для лиц и организаций, допустивших, по мнению правоохранительных органов, нарушение закрепленных в законе положений.

Расплывчатость формулировок, содержащихся в действующем законодательстве, характерна во все времена исторического существования китайской государственности. Например, в ст. 286 гл. 21 «Об убийстве» Уголовного кодекса Китайской Республики (1917 г.) содержится следующее положение: «Винные в убийстве, совершенном в состоянии возбуждения от справедливого гнева на месте происшествия, наказываются

срочным каторжным тюремным заключением от одного года до семи лет» (ч. 1) [7, с. 64]. Однако нигде в законах не дается определения понятия «справедливый гнев», все это остается на усмотрение судебного органа.

3. *Уголовное право на протяжении всей истории Китая являлось стержнем правовой системы, зачастую регулируя правоотношения в гражданской и административной сферах.* В традиционном праве Древнего Китая уголовные законы составляли бóльшую часть всех действующих в государстве правовых актов. Важную роль уголовное право играло и в первые годы после образования КНР, первостепенное значение оно сохраняет и в настоящее время. Первый китайский Уголовный кодекс 1979 г. был чрезвычайно сырым. Он не успевал реагировать на происходящие в обществе изменения. Законодатель постоянно прибегал к принятию локальных разрозненных уголовно-правовых актов для установления ответственности за совершаемые новые виды преступлений. Несмотря на быстро меняющуюся обстановку внутри страны, лишь в конце 90-х гг. прошлого столетия в него был внесен ряд существенных изменений (14 марта 1997 г.) [8, с. 254–411]. Их анализ позволяет констатировать, что в КНР был принят совершенно новый уголовный закон, в котором достаточно подробное закрепление получили важнейшие институты уголовного права.

Ныне действующий УК КНР состоит из трех частей — Общей, Особенной и Дополнительной, включает в себя 452 статьи (ранее — 192). К настоящему времени в УК КНР 1997 г. было внесено девять важных поправок, датируемых 25 декабря 1999 г., 31 августа 2001 г., 29 декабря 2001 г., 28 декабря 2002 г., 28 февраля 2005 г., 29 июня 2006 г., 28 февраля 2009 г., 27 августа 2009 г., 25 февраля 2011 г. (общее количество поправок к первому УК КНР 1979 г. составляет соответственно десять).

Проанализируем некоторые основные направления борьбы с преступностью в КНР.

Борьба с коррупцией. Борьбе с коррупцией в Китае на протяжении долгого времени уделяется самое пристальное внимание. Правотворческий опыт китайского законодателя вызывает у российских компаративистов значительный интерес [9]. За коррупционные преступления к ответственности привлекают чиновников, занимающих высокие посты в государстве. Коррупционера, попавшего «в жернова» антикоррупционной машины, редко оправдывают.

К настоящему времени в КНР создана действенная система борьбы с коррупцией, предполагающая суровую юридическую ответственность за нарушение правовых предписаний в рассматриваемой сфере вплоть до применения к преступнику высшей меры наказания, лишения политических прав, конфискации имущества. Несмотря на это, коррупция в китайском обществе продолжает существовать, причиной чему служат различные исторические и социокультурные факторы. Правоприменительный опыт китайского государства в сфере противодействия коррупции свидетельствует о невозможности ее полного искоренения в нынешних условиях, однако подтверждает способность к ее сдерживанию.

Власти КНР вряд ли откажутся от применения института смертной казни в отношении особо крупных коррупционеров, ведь ее сторонником выступает практически все китайское общество. События, связанные со взрывами в приморском городе Тяньцзинь (август 2015 г.), подтверждают прямую опасность коррупции для жизни и здоровья граждан. Следствием доказано, что именно она явилась главной причиной случившейся трагедии: крупному бизнесмену была выдана лицензия на право хранения опасных взрывчатых веществ в порту Тяньцзиня при отсутствии соблюдения им необходимых для такого хранения требований. По результатам проверки арестованы глава Государственного управления КНР по контролю за безопасностью на производстве Ян Дунлян (бывший вице-мэр Тяньцзиня) и целый ряд других высокопоставленных чиновников, им предъявлены обвинения в коррупции и злоупотреблении служебным положением, повлекшим гибель двух и более лиц (всего погибло свыше 150 чел.). Чиновникам грозит уголовное наказание в виде смертной казни².

Суровость уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности подтверждается действующим УК КНР. Так, коррупционеру грозит от года до семи лет лишения свободы за получение взятки в размере 5 тыс. юаней (около 50 тыс. р.), а при отягчающих обстоятельствах — от семи до десяти (ст. 383 УК КНР). Чем выше сумма полученной взятки, тем больше вероятность приговора к пожизненному лишению свободы или смертной казни с отсрочкой исполнения на два года.

² URL : <http://baike.baidu.com/subview/391611/8644461.htm> (на кит. яз.).

Статистика последних лет по коррупционным делам свидетельствует о решимости властей искоренить это зло из китайского общества. Так, согласно докладу председателя Верховной народной прокуратуры КНР Цао Цзяньмина от 13 марта 2016 г.³, в рамках широкомасштабной кампании «вместе бить и тигров, и мух» («老虎», «苍蝇»一起打) в 2015 г. было проведено следствие по 40 834 уголовным делам, касающимся 54 249 подозреваемых в должностных преступлениях лиц. В числе этих дел 4 490 — по суммам взятки свыше 1 млн юаней. Среди подозреваемых в совершении коррупционных преступлений 4 568 чел. — работники уездного уровня и выше, в том числе 769 — главы канцелярий и департаментов. Предъявлены обвинительные заключения в отношении крупных высокопоставленных государственных служащих (всего 22), среди которых Чжоу Юнкан (член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК), Ли Чунси (бывший председатель Народно-политического консультативного совета провинции Сычуань), Ли Дуншэн (заместитель министра общественной безопасности), Шэнь Вэйчэнь (заместитель руководителя отдела пропаганды ЦК КПК, член Центральной комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины) и др.

С октября 2014 г. по декабрь 2015 г. из 34 государств и регионов мира в рамках двусторонних соглашений в КНР экстрадировано 124 лица, подозреваемых в совершении должностных преступлений. Среди них Ли Хуабо — бывший глава одного из финансово-строительных подразделений уезда Поян провинции Цзянсу, скрывавшийся от китайского правосудия в Сингапуре.

В масштабах Китая действуют строгие правовые меры по противодействию коррупции, включающие в себя:

1. *Контроль над расходами чиновников всех уровней.* Согласно принятому 8 декабря 2013 г. Положению о государственных приемах в партийных и административных органах КНР, чиновники обязаны серьезно ограничивать свои расходы при посещении ресторанов, отелей, других общественных заведений. 31 декабря 2013 г. Министерством финансов КНР опубликованы Правила управления расходами при командировках сотрудников партийных и государственных органов. В ст. 7 нормативного документа приведена таблица расходов при командировках, в которой четко указан вид транс-

порта и класс билета для различных категорий чиновников. Так, бизнес-класс в самолете предусмотрен только для чиновника в ранге министра, прочие государственные служащие обязаны передвигаться в экономическом классе. В статье делается оговорка, согласно которой при наличии служебной необходимости в командировке чиновника в ранге министра в бизнес-классе за государственный счет может сопровождать еще один пассажир. Все остальные при желании лететь бизнес-классом должны нести расходы за свой счет (ч. 2 и 3 ст. 7). При поселении в гостинице министры могут останавливаться лишь в обычных люксовых номерах, все остальные — в одноместных или двухместных стандартах (ст. 13).

2. *Строгое применение системы материального обеспечения руководящих кадров.* В стране существует запрет на превышение установленных норм при использовании жилых и деловых помещений, служебных машин, на излишнее количество охраны и секретарей с регулированием вопросов стоимости, вида и количества мебели, необходимой для кабинетов чиновников различных уровней. Так, согласно принятым ЦК КПК 18 ноября 2013 г. Правилам строгой экономии и борьбы с расточительством в партийных и государственных органах, партия, собрания народных представителей, административные учреждения, судебные, правоохранительные органы, профсоюзы, молодежные организации и другие объединения обязаны соблюдать крайнюю экономию при пользовании служебными автомобилями, жилыми и нежилыми помещениями, при организации приемов, совещаний, командировок по стране и за рубежом.

3. *Повышение уровня открытости судопроизводства, усиление общественного контроля над выносимыми народными судами КНР решениями и приговорами по гражданским, уголовным и административным делам.* С 1 января 2014 г. вступили в силу принятые Верховным народным судом КНР Правила обнародования в сети Интернет решений народных судов, согласно которым все приговоры, решения и постановления подлежат обязательному размещению на сайте народного суда в сети. Кроме того, из любой точки Китая и мира можно в онлайн-режиме следить за происходящим в суде разбирательством. Такая публичность, несомненно, способствует снижению уровня коррупции в судебном аппарате, решения которого носят гласный ха-

³ URL : http://www.spp.gov.cn/gzbg/201503/t20150324_93812.shtml (на кит. яз.).

ракти. При этом в документе закрепляется, что по делам, затрагивающим государственную тайну, частную жизнь граждан, по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, при использовании медиативных процедур и в иных случаях обнародование судебных решений в Интернете не допускается (ст. 4).

В настоящее время готовится к принятию Закон КНР «О противодействии взяточничеству и коррупции». Его проект уже одобрен в Комитете по законодательству ВСНП. Центральными вопросами правового документа выступают «система обязательного декларирования имущества государственного служащего и его родственников», «система подлинности имени владельца финансовых средств» и «система отвода с занимаемой должности государственного служащего». Вопрос о принятии единого закона в рассматриваемой сфере стоял давно, однако «к основным причинам, обуславливающим отсутствие единого законодательного акта о противодействии коррупции в правовом порядке КНР... можно отнести чрезвычайную сложность разработки такого нормативного правового акта применительно к правовому пространству КНР...» [10, с. 91].

Борьба с терроризмом. Для современного китайского государства терроризм является относительно новой угрозой. В основном она исходит из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Это самый крупный регион Китая с населением более 20 млн чел., преимущественную часть которого составляют уйгуры [11; 12]. В нем действуют запрещенные террористические организации, к числу которых относится и «Исламское движение Восточного Туркестана», выступающее за создание единого исламского государства и обращение в ислам всего китайского населения.

В последние несколько лет Китай потрясла серия страшных террористических актов. Самым резонансным из них стала кровавая резня на железнодорожном вокзале в крупном городе Куньмин (1 марта 2014 г.), когда вооруженная ножами организованная группа из десяти преступников напала на людей, в результате чего погибло несколько десятков человек, более 100 получили ранения. Позже обвинения в произошедшем были предъявлены уйгурским террористам, в отношении нескольких из них приведены в исполнение приговоры к смертной казни⁴.

⁴ URL : <http://baike.baidu.com/view/15217884.htm> (на кит. яз.).

22 мая 2014 г. в Урумчи (столица СУАР) два автомобиля-внедорожника въехали в толпу людей на рынке, после чего из автомобилей полетели взрывные устройства. Погибло 39 чел., около 100 получили ранения. Исполнителями данного террористического акта также были уйгуры⁵.

По сообщениям китайских средств массовой информации, в настоящее время на стороне так называемого Исламского государства (организации, запрещенной во многих странах, в том числе и в России) воюет несколько сотен граждан КНР, которые в основном проникают в Ирак и Сирию через Малайзию⁶. В его ряды вступают и некоторые китайцы, проживающие на постоянной основе на территории Турции и других сопредельных государств. По национальности это преимущественно уйгуры.

Отметим, что китайское государство по своему административно-территориальному устройству унитарно. В основном законе страны отсутствует право наций на самоопределение, что уберегает КНР от угрозы распада на отдельные независимые государства (по примеру СССР) [13]. Многие вошедшие в состав КНР народы в историческом прошлом обладали самостоятельной государственностью. Идеологической подпиткой уйгурского терроризма выступает отсутствие у народа Синьцзяна (уйгуров) юридических прав на отделение от Китая.

Уголовное законодательство КНР предусматривает различные сроки тюремного заключения за совершение террористического акта, участие в террористических организациях, их финансирование и иную поддержку террористической деятельности вплоть до высшей меры наказания. Так, арестованных по обвинению в совершении террористического акта на железнодорожном вокзале в Куньмине преступников решением суда приговорили к смертной казни (без часто используемой в таких случаях формулировки «с отсрочкой исполнения на два года»). 23 августа 2014 г. по решению Верховного суда КНР были приведены в исполнение приговоры к смертной казни в отношении восьми террористов, признанных виновными в убийствах и взрывах в различных регионах Китая, включая

⁵ URL : <http://baike.baidu.com/view/13211101.htm> (на кит. яз.).

⁶ URL : <http://news.sina.com.cn/c/2015-01-23/062831434338> (на кит. яз.).

террористический акт на площади Тяньаньмэнь (28 октября 2013 г.)⁷.

29 августа 2015 г. в УК КНР были внесены очередные (девятые) поправки. Изменениям подверглось содержание статей кодекса, устанавливающих уголовную ответственность за преступления террористического характера. За «организацию, руководство террористической деятельностью, террористической организацией лицо приговаривается к лишению свободы от десяти лет либо пожизненному лишению свободы, а также конфискации имущества; за активное участие — к лишению свободы от трех до десяти лет, а также к штрафу; за иное участие — лишение свободы до трех лет, арест, надзор либо лишение политических прав, а также возможно к штрафу» (ст. 120). Уголовная ответственность устанавливается и за финансирование террористической деятельности, террористической организации, подготовки террористов (до пяти лет лишения свободы), при отягчающих обстоятельствах — от пяти лет. Ответственность наступает и в случаях вербовки, доставки террористов для террористических организаций, совершения террористического акта, обучения террористической деятельности (ст. 120.1).

Различные сроки тюремного заключения ожидают тех преступников, которые подготавливают орудия совершения террористической деятельности, организуют подготовку террористов, налаживают связь с зарубежными террористическими организациями, планируют террористическую деятельность, изготавливают материалы террористического и экстремистского содержания, «экстремистски подстрекают массы к разрушению установленной законодательством судебной системы, системы образования, системы брака, общественной системы» и др.

Подчеркнем, что Уголовный кодекс КНР (ст. 30 и 31) устанавливает уголовную ответственность не только физических, но и юридических лиц за преступления террористической направленности (как правило, к ней привлекаются «ответственные за руководство лица» организаций).

27 декабря 2015 г. в правовой системе появился Закон КНР «О противодействии терроризму», положения которого направлены на усиление борьбы с террористической деятельностью и ее финансированием. Закон состоит из

10 глав, 97 статей. Своим вступлением в силу он отменил ранее действовавшее постановление ПК ВСНП «О соответствующих вопросах усиления работы по борьбе с терроризмом» от 29 октября 2011 г.

Согласно закону, под террористической деятельностью (ч. 2 ст. 3) понимаются:

- деяния, направленные на организацию, планирование, подготовку к осуществлению, осуществление или намерение осуществления деятельности, влекущей за собой серьезное посягательство на общество в виде гибели людей, нанесения значительного вреда имуществу, разрушения социальной инфраструктуры, приведения в хаос социального порядка;

- пропаганда терроризма, провоцирование к осуществлению террористической деятельности либо незаконное обладание продукцией, пропагандирующей терроризм, принуждение к ношению в общественных местах одежды, символики, пропагандирующей терроризм;

- организация, руководство, участие в террористической организации;

- предоставление информации, финансирования, материальных ресурсов, услуг, технической поддержки, мест и другой поддержки, помощи, преференций для террористических организаций, террористов, осуществляемой террористической деятельности или обучения террористической деятельности;

- иная террористическая деятельность.

На прошедшем в конце октября 2016 г. восьмом Международном форуме по проблемам преступности и уголовного права (全球化时代犯罪与刑法国际论坛) китайская делегация выступила с критикой сформулированных международным сообществом определений понятий «терроризм» и «террористическая организация», считая необходимым дополнить их новым содержанием. Так, по мнению ученых КНР, следует ввести в оборот понятие «государственный терроризм», что обусловлено наличием на карте мира фактически террористического государства — ИГИЛ. Сказанное китайскими коллегами, несомненно, рано или поздно будет закреплено в их национальном законодательстве вне зависимости от признания правомерности данной позиции со стороны зарубежных партнеров.

Борьба со шпионажем и государственной изменой. Проблема противодействия шпионажу и государственной измене волновала умы еще древних китайских правителей. Крупнейший стратег и мыслитель Сунь Цзы в своем

⁷ Жэньминь жибао. 2014. 24 авг. (на кит. яз.).

знаменитом трактате «Искусство войны» в отдельной главе «Использование шпионов» писал: «...просвещенные государи и мудрые полководцы двигались и побеждали, совершали подвиги, превосходя всех других, потому, что все знали наперед. Знание наперед нельзя получить от богов и демонов, нельзя получить и путем заключения по сходству, нельзя получить и путем всяких вычислений. Знание положения противника можно получить только от людей» [14].

Действующий УК КНР не содержит известный российскому уголовному закону термин «государственная измена», однако в нем присутствует термин «шпионаж». Все это обусловлено как историческими, так и ментальными особенностями китайской правовой культуры и правосознания его граждан. Исторически в китайском праве происходило смешение понятий «измена» и «шпионаж», вместо понятия измены зачастую использовались термины «предательство», «контрреволюция». Все это наложило неизгладимый отпечаток и на действующее законодательство КНР, регулирующее рассматриваемую нами проблематику. Анализ статей УК КНР, нормативного постановления Верховного народного суда КНР об определении составов преступлений от 11 декабря 1997 г. и китайской юридической литературы позволяет отнести к государственной измене следующие составы преступлений:

– ст. 102 (Верховным народным судом КНР относится к государственной измене): «Посягательство на суверенитет, территориальную целостность и безопасность Китайской Народной Республики в сговоре с иностранным государством наказывается бессрочным лишением свободы или срочным лишением свободы от десяти лет» (ч. 1); «Совершение вышеуказанного преступления в сговоре с находящимися за границей органами, организациями, отдельными лицами наказывается по вышеприведенному положению» (ч. 2);

– ст. 108 («измена-предательство»): «Лица, совершившие измену и перешедшие на сторону противника, наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет; при отягчающих обстоятельствах или возглавлении совершения измены и перехода на сторону противника сотрудников вооруженных сил, народной милиции, ополчения наказываются лишением свободы на срок свыше десяти лет либо бессрочным лишением свободы»;

– ст. 109 («предательское бегство за границу»): «Работники государственных органов, в период исполнения своих профессиональных обязанностей самовольно оставившие пост и изменнически скрывшиеся за пределами страны либо изменнически оставшиеся за границей, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет, арестом, надзором либо лишением политических прав; при отягчающих обстоятельствах наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет» (ч. 1).

Отметим, что содержание ст. 109 было сформулировано в результате внесения 25 февраля 2011 г. поправок в УК КНР. В прежней редакции в тексте ч. 1 ст. 109 присутствовала существенная оговорка, которая в 2011 г. была исключена: «Работники государственных органов, в период исполнения своих профессиональных обязанностей самовольно оставившие пост и изменнически скрывшиеся за пределами страны либо изменнически оставшиеся за границей, *причинив тем самым вред государственной безопасности Китайской Народной Республики*, наказываются...». Таким образом, китайский законодатель ужесточил положения ст. 109, исключив из нее важный признак объективной стороны государственной измены в виде обязательных общественно опасных последствий. «Работники государственных органов, владеющие государственной тайной, изменнически скрывшиеся за пределами страны либо изменнически оставшиеся за границей, подвергаются максимально суровому наказанию согласно предыдущему положению» (ч. 2).

Приведенные выше статьи 102, 108 и 109 УК КНР в ныне действующей редакции (2015 г.) напрямую закрепляют уголовную ответственность за государственную измену в таком же понимании, как она понимается российской юридической наукой. Однако оговоримся, что перевод указанных статей приведен дословно, поэтому не стоит удивляться используемым законодателем терминам «изменнически скрывшиеся за пределами страны» и «изменнически оставшиеся за границей». Не так давно на весь Китай прогремело дело бывшего вице-мэра крупного города Чунцина, главы местного управления общественной безопасности Ван Лицзюня, который совершил «изменнический побег» в американское консульство в городе Чэнду (февраль 2012 г.). После выхода с территории консульства высокопоставленный чиновник был арестован и обвинен в коррупции,

а также в государственной измене в форме бегства за границу (ч. 2 ст. 109 УК КНР). По совокупности преступлений Ван Лицзюня приговорили к 15 годам лишения свободы (так, за сутки пребывания в американском консульстве чиновник получил два года лишения свободы и год лишения политических прав, смягчающим вину обстоятельством стало его добровольное оставление территории консульства).

УК КНР также содержит ст. 430, в которой устанавливается уголовная ответственность за «изменническое бегство за границу» либо «изменническое оставление за границей» военнослужащих в период исполнения ими своих обязанностей *при нанесении вреда интересам государства*.

Глава 1 УК КНР «Преступления против безопасности государства» также содержит ст. 103, 104 и 105, в которых устанавливается уголовная ответственность:

– за организацию, планирование, осуществление раскола страны, подрыва государственного единства, а также подстрекательство к расколу страны, подрыву государственного единства (ст. 103);

– организацию, планирование, осуществление вооруженного мятежа или вооруженного бунта (ст. 104);

– организацию, планирование, осуществление подрыва государственной власти, свержения социалистического строя (ст. 105).

При этом в ст. 106 делается важная оговорка: лица, совершившие указанные в этих статьях преступления в сговоре с зарубежными органами, организациями, отдельными лицами, подлежат максимально суровому наказанию по приведенным статьям.

Что касается шпионажа, то действующий УК КНР не только содержит сам этот термин, но и раскрывает его понятие. Так, ст. 110 гласит: «Совершение одного из нижеуказанных шпионских деяний, посягающих на безопасность государства, наказывается лишением свободы от десяти лет либо бессрочным лишением свободы; при смягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы от трех до десяти лет:

– участие в шпионских организациях или получение заданий от шпионских организаций и их представителей;

– указание противнику целей для бомбардировки».

Статья 111 УК КНР закрепляет: «Похищение, выведывание, приобретение, иная незаконная

передача государственной тайны или информации в интересах находящихся за границей органов, организаций, лиц наказывается лишением свободы от пяти до десяти лет; при особо отягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок от десяти лет или бессрочным лишением свободы; при смягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы до пяти лет, арестом, надзором или лишением политических прав».

Уголовная ответственность по указанным выше статьям (ст. 102–111) в определенных случаях включает конфискацию имущества (ч. 2 ст. 113 УК КНР) и обязательное лишение политических прав (ч. 1 ст. 56 УК КНР). Предусматривается и высшая мера наказания (за исключением ч. 2 ст. 103, ст. 105, 109).

Одним из наиболее известных дел по шпионажу в Китае стало дело, окончившееся вынесением смертного приговора в отношении генерал-майора китайской армии Лю Лянькуня и старшего полковника Шао Чжэчжуна, которые передавали секретные сведения тайваньским спецслужбам [8, с. 64]. 15 августа 1999 г. оба высокопоставленных военнослужащих по приговору военного трибунала были расстреляны.

1 ноября 2014 г. китайским парламентом был принят Закон КНР «О борьбе со шпионажем», который своим вступлением в силу отменил действовавший с 1993 г. Закон КНР «О государственной безопасности». Закрепленные в нем положения свидетельствуют об ужесточении законодательной политики Китая в сфере национальной безопасности. Это обусловлено новыми угрозами, с которыми в последнее время сталкивается китайская государственность.

Под шпионской деятельностью (ст. 38) законодатель понимает:

– посягающую на безопасность КНР деятельность шпионских организаций и их представителей, использование, финансирование шпионскими организациями и их представителями других лиц с целью ее осуществления, а также указанная деятельность в сговоре с иностранными органами, организациями, отдельными лицами;

– участие в шпионских организациях или получение заданий от шпионских организаций и их представителей;

– деятельность по похищению, выведыванию, приобретению, иной незаконной передаче государственной тайны или информации

другими, помимо шпионских организаций и их представителей, зарубежными органами, организациями или лицами либо использование, финансирование ими других лиц для ее осуществления, а также указанная деятельность в сговоре с иностранными органами, организациями, отдельными лицами либо подстрекание, склонение, подкуп государственных служащих к измене;

– указание противнику целей для бомбардировки;

– осуществление иной шпионской деятельности.

Особый интерес заслуживает положение ч. 2 ст. 26: «Никакие физические лица и организации не вправе оказывать давление или мстить физическим лицам и организациям, оказывающим содействие в работе органам государственной безопасности или обращающимся с информацией или обвинениями в их отношении».

30 сентября 2015 г. органами государственной безопасности КНР по подозрению в шпионаже были задержаны два гражданина Японии, которые, по версии следствия, добывали секретную информацию о военных объектах, расположенных в провинции Ляонин (на границе с Северной Кореей) и провинции Чжэцзян⁸. Затем, уже в октябре, стало известно об аресте еще нескольких японцев, в том числе преподавательницы языковой школы в Токио, часто посещавшей КНР (задержаны летом 2015 г.)⁹.

Сферу государственной безопасности в последние несколько лет дополнили законы КНР «О государственной безопасности» (принят 1 июля 2015 г.), «Об управлении деятельностью зарубежных неправительственных организаций внутри страны» (28 апреля 2016 г.) и «О безопасности сети Интернет» (вступит в силу с 1 июня 2017 г.). Также напомним, что в

⁸ URL : http://www.bbc.com/zhongwen/simp/world/2015/09/150930_china_japan_espionage (на кит. яз.).

⁹ URL : <http://www.chinanews.com/gn/2015/10-11/7563526.shtml> (на кит. яз.).

2013 г. был создан Центральный совет по национальной безопасности — единый орган координации и обеспечения государственной безопасности. Председателем данного органа назначен глава КНР Си Цзиньпин. В целях обеспечения государственной безопасности новый орган координирует деятельность всех силовых министерств, МИДа, некоторых частей армии, а также Центральную комиссию КПК по проверке дисциплины.

Завершая настоящее исследование, подчеркнем, что основные направления борьбы современного китайского государства с преступностью не исчерпываются указанной нами проблематикой. Актуальными остаются борьба с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ [15], с управлением автомобилем в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения [16], противодействие легализации доходов, полученных преступным путем [17], и др.

Власти КНР продолжают, как и прежде, придерживаться пути усиления мер уголовной ответственности за совершаемые в стране преступления. Основным методом борьбы с преступностью является ужесточение уголовно-наказательной политики. Благодаря жесткой системе наказаний удается сдержать огромное население в рамках действующих правовых предписаний. Жесткая, а порой даже жесткая уголовная политика позволила китайскому государству избежать всплеска криминальной активности, подобного тому, какой имел место в России в 1990-е гг. В сравнении с Китаем уголовное наказание в России слишком мягкое. Это зачастую абсолютно не соответствует степени общественной опасности совершаемых преступлений и отношению к этому наших граждан. Опыт Китая в борьбе с преступностью, в особенности касающийся сферы уголовной ответственности за нарушение положений действующего УК, весьма полезен и для современного российского общества, стремящегося к построению сильного, стабильного, благополучного государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудошников Л.М. Произвол и насилие — основа политики маоистов / Л.М. Гудошников // Проблемы Дальнего Востока. — 1974. — № 3. — С. 64–72.
2. Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты : пер. с кит. / сост. К.А. Егоров ; под ред. Л.М. Гудошникова. — М. : Прогресс, 1984. — 470 с.
3. 犯罪学教程 (Курс по криминологии / ред. Шан Сяопин, Ян Сюэфэн. — Пекин, 2008) (на кит. яз.).
4. Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия : в 2 т. / Х. фон Зенгер ; под общ. ред. В.С. Мясникова. — М. : Прогресс-Культура, 1995.
5. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии / Н.Я. Бичурин. — М. : Вост. дом, 2002. — 423 с.

6. 赵秉志. 关于中国现阶段慎用死刑的思考 (Чжао Бинчжи. Размышления об осторожном применении смертной казни в Китае на современном этапе / Чжао Бинчжи // Китайское право. — 2011. — № 6) (на кит. яз.).
7. Уголовный кодекс Китайской Республики. Распуббликован Националистическим правительством в марте 17 г. Китайской Республики и введен в действие тем же правительством в июле того же года, а в Особом Районе Восточных Провинций 7 января 18 г. Китайской Республики (1929 г.) / под ред. Е.С. Павликовского. — Харбин : Отд-ние тип. Кит. Вост. ж. д., 1929. — 84 с.
8. Ахметшин Х.М. Современное уголовное законодательство КНР. Уголовный кодекс КНР / Х.М. Ахметшин, А.А. Ахметшин, Н.Х. Петухов. — М. : Муравей, 2000. — 428 с.
9. Севальнев В.В. Антикоррупционное законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой аспект / В.В. Севальнев // Журнал российского права. — 2015. — № 10 (226). — С. 151–157.
10. Севальнев В.В. Противодействие коррупции: опыт КНР / В.В. Севальнев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 1. — С. 89–96.
11. Буяров Д.В. Некоторые аспекты борьбы с терроризмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая / Д.В. Буяров // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск — Хэйхэ — Харбин, 18–23 мая 2015 г. / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов, Н.В. Киреева. — Благовещенск : Благовещ. гос. пед. ун-т, 2015. — С. 292–295.
12. Буяров Д.В. Некоторые факторы развития сепаратизма в Синьцзяне на современном этапе / Д.В. Буяров // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск — Хэйхэ, 16–18 мая 2016 г. / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. — Благовещенск : Благовещ. гос. пед. ун-т, 2015. — С. 330–333.
13. Гудошников Л.М. Великодержавный шовинизм руководства КНР в вопросах национально-государственного строительства / Л.М. Гудошников // Советское государство и право. — 1973. — № 9. — С. 92–100.
14. Конрад Н.И. Синология / Н.И. Конрад ; сост. Н.И. Фельдман-Конрад ; отв. ред. И.М. Ошанин, О.Л. Фишман. — Репр. с изд. 1977 г. — М. : Ладомир, 1995. — 621 с.
15. Трощинский П.В. Правовое регулирование борьбы китайского государства с незаконным оборотом наркотиков / П.В. Трощинский // Наркоконтроль. — 2015. — № 1. — С. 31–36.
16. Трощинский П.В. Нормативно-правовое регулирование борьбы с «пьяным вождением»: опыт Китая / П.В. Трощинский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 6. — С. 1062–1070.
17. Трощинский П.В. Некоторые вопросы нормативно-правового регулирования борьбы китайского государства с отмыванием денег / П.В. Трощинский // КНР: поиски стабильности на пике мирового финансового кризиса. Информационные материалы. — М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2009. — С. 200–221. — (Серия В: Общество и государство в Китае в период реформ. Вып. 24).

REFERENCES

1. Gudoshnikov L.M. Arbitrariness and violence as the basis of Maoists' policy. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Affairs*, 1974, no. 3, pp. 64–72. (In Russian).
2. Egorov K.A., Gudoshnikov L.M. (eds). *Kitayskaya Narodnaya Respublika. Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty* [The People's Republic of China. Constitution and Legislative Acts]. Moscow, Progress Publ., 1984. 470 p.
3. Shan Syaopin, Yan Syuefen (eds). *A Course in Criminology*. Beijing, 2008. (In Chinese).
4. Senger H. von. *Strategeme. Der erste Band der berühmten 36 Strategeme der Chinesen — lange als Geheimwissen gehütet, erstmals im Westen vorgeestellt*. Bern, Scherz, 1988. (Russ. ed.: Senger H. fon; Myasnikov V.S. (ed.). *Stratagemy. O kitaiskom iskusstve zhit' i vyzhivat'. Znamenitye 36 stratagem za tri tisyacheletiya*. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995).
5. Bichurin N.Ya. *Kitai v grazhdanskom i npravstvennom sostoyanii* [China in its Civil and Moral State]. Moscow, Vostochnyi dom Publ., 2002. 423 p.
6. Chzhao Binchzhi. Speculations on the careful use of capital punishment in contemporary China. *Chinese jurisprudence*, 2011, no. 6. (In Chinese).
7. Pavlikovskii E.S. (ed.). *Ugolovnyi kodeks Kitaiskoi Respubliki* [The Criminal Code of the People's Republic of China]. Kharbin, Printing Department, Chinese Eastern Railway Publ., 1929. 84 p.
8. Akhmetshin Kh.M., Akhmetshin N.Kh., Petukhov A.A. *Sovremennoe ugovolnoe zakonodatel'stvo KNR. Ugolovnyi kodeks KNR* [Contemporary Criminal Legislation of the PRC. The Criminal Code of the PRC]. Moscow, Muravei Publ., 2000. 428 p.
9. Seval'nev V.V. Anti-corruption legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China: a comparative legal aspect. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 10 (226), pp. 151–157. (In Russian).
10. Seval'nev V.V. Corruption counteraction: the experience of the PRC. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2014, no. 1, pp. 89–96. (In Russian).
11. Buyarov D.V. The some aspects of fight against terrorism in Xinjiang Uyghur autonomous region of China. In Buyarov D.V., Kuznetsov D.V., Kireeva N.V. (eds). *Rossiia i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy 5-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Blagoveshchensk — Kheikhe — Kharbin, 18–23 maya 2015 g.* [Russia and China: history and cooperation prospects. Materials of the 5th International Research Conference. Blagoveshchensk — Kheikhe — Kharbin, May 18–23, 2015]. Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2015, pp. 292–295. (In Russian).
12. Buyarov D.V. Some factors of the contemporary development of separatism in Xinjiang. In Buyarov D.V., Kuznetsov D.V. (eds). *Rossiia i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Blagoveshchensk — Kheikhe, 16–18 maya 2016 g.* [Russia and China: history and cooperation prospects. Materials of the 6th International Research Conference. Blagoveshchensk — Kheikhe, May 16–18, 2016]. Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2015, pp. 330–333. (In Russian).
13. Gudoshnikov L.M. Great-power chavinism of Chinese leadership in the issues of national and state building. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1973, no. 9, pp. 92–100. (In Russian).

14. Konrad N.I.; Fel'dman-Konrad N.I., Oshanin I.M., Fishman O.L. (eds). *Sinologiya* [Synology]. Moscow, Ladomir Publ., 1995. 621 p.
15. Troshchinskii P.V. Legal regulation of counter-narcotic actions of the Chinese state. *Narkokontrol = Drug Control*, 2015, no. 1, pp. 31–36. (In Russian).
16. Troshchinskii P.V. Regulatory measures against «drunk driving»: China's experience. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2015, no. 6, pp. 1062–1070. (In Russian).
17. Troshchinskii P.V. Some issue of the normative legal regulation of Chinese state's fight against money laundering. *KNR: poiski stabil'nosti na pike mirovogo finansovogo krizisa. Informatsionnye materialy* [The PRC: searching for stability at the peak of the world financial crisis. Information materials]. Moscow, Institute of the Far East Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 200–221. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лузянин Сергей Геннадьевич — директор Института Дальнего Востока Российской академии наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Российского совета по международным делам, постоянный член Научного совета Совета Безопасности Российской Федерации, доктор исторических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: lousianin@ifes-ras.ru.

Трощинский Павел Владимирович — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: troshc@mail.ru.

Суходолов Яков Александрович — начальник отдела Министерства международного сотрудничества и внешнеэкономических связей Забайкальского края, кандидат экономических наук, г. Чита, Российская Федерация; e-mail: yakov.suchodolov@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лузянин С.Г. Особенности правового регулирования борьбы с преступностью в Китае / С.Г. Лузянин, П.В. Трощинский, Я.А. Суходолов // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 812–824. — DOI : 10.17150/2500-4255.2016.10(4).812-824.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Luzyanin, Sergey G. — Director, the Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Professor, National Research University — Higher School of Economics, Expert, Russian International Affairs Council, Permanent Member, Research Council of the Security Council of the Russian Federation, Doctor of History, Moscow, the Russian Federation; e-mail: lousianin@ifes-ras.ru.

Troshchinskii, Pavel V. — Leading Researcher, the Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: troshc@mail.ru.

Sukhodolov, Yakov A. — Department Head, Ministry of International Cooperation and Foreign Trade of Zabaykalsky Krai, Ph.D. in Economics, Chita, the Russian Federation; e-mail: yakov.suchodolov@gmail.com.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Luzyanin S.G., Troshchinskii P.V., Sukhodolov Ya.A. Specific features of legal regulation of crime counteraction in China. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 812–824. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).812-824. (In Russian).